

С ВЕРОЙ В НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

В.А. ПОНОМАРЕНКО

Пономаренко Владимир Александрович — главный научный сотрудник НИИЦ авиационно-космической медицины, академик РАО, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 500 статей и 14 монографий, среди которых «Авиация. Человек. Дух» (2000), «Созидательная психология» (2000), «Размышления о здоровье» (2001), «Психология духовности профессионала» (2004), «Психология человеческого фактора в опасной профессии» (2004), «В слове — позиция» (2006). Основные направления работ: нравственно-духовные аспекты профессионализма, формирование профессионально важных качеств у специалистов опасной профессии, теория опасных профессий и др.

Резюме

Церковь как институт религии не в силах справиться с бездуховностью, даже отлично осознавая социальные, экономические причины этого явления. Вне консолидации усилий с наукой, образованием, культурой, этикой эту проблему не решить. У религии и науки параллельные пути, но сходящиеся в единой цели. Не стоит спешить проводить демаркационную линию между религией и наукой.

*...человек начинает становиться не с нуля,
человек начинает с Начала!*
В.И. Слободчиков

Предложенная редакцией журнала научная дискуссия «Психология — с религией или без нее?» — событие ценностное и в высшей степени актуальное. Наконец в XXI в. психология как наука и общественная практика заявила о своем праве и возможностях познавать, формировать и опредмечивать сознанием высшие категории бытия: мировоззрение, мироощущение, одухотворенность, реализуемые в психологических актах совести, чести, этики, нравствен-

ности, духовности, вочеловечивании в себе идеалов, истин, смыслов и предназначения. Давно пора прекратить произносить риторико-амбициозные заклинания по поводу того, какой науке «принадлежит» человек. В XXI в. научная психология методологически, гносеологически, антропологически, экспериментально способна не только описать, но и создать модели поведения, классификацию типов личности, диагностику способности, измерить векторы

мотивов, выявить хронотоп, прогнозировать поступки, эмоции, желания, оценить, пусть опосредованно, вариации истоков веры, идеалов, степень одухотворенности, причинно-следственные отношения между злом и добром, бездуховностью, агрессивным сознанием и мн. др. Б.Ф. Ломов еще в 1970-е годы в «Психологическом журнале» описал **законы** психической деятельности, в том числе в такой тонкой сфере, как общение, где духовность включает информационное, т. е. материальное, начало.

Что касается вопроса «Психология — с религией или без нее?», то со светской точки зрения, он был бы более корректен в другой форме: психология с Церковью или без нее? Думаю, что сегодня при доступности текстов Писания, теологических трудов, книг религиозного содержания, диссертаций по истории христианской религии не может быть сомнения в том, что религиозное сознание является объектом науки психологии (Моррис, 1995). Именно **религиозное сознание**, поведение, **ощущение** себя как произведения Творца, **вера** в Спасителя и предложенный Путь благочестия составляют психологический процесс формирования самосознания, вочеловечивания веры в систему психофизических ритуалов управления **сознанием** (Войно-Ясенецкий, 2003).

Обусловленная феноменом «В начале было Слово, и этим словом был Бог», возникла **научная задача** установления закономерностей каузальных паттернов, регулирующих развитие не опиума для народа, а православной культуры как движителя благоговения, благодати и благода-

рения за данность не только следовать, но и познавать природное и трансцендентное, исследовать гармонизацию в единстве и в противоположности с живым и неживым миром, объединяющим и разъединяющим материальное и идеальное бытие (Аксюциц, 1994).

Как появился человек на Земле, **точно** никто не знает, это есть таинство. Однако естественные науки все же доказали роль постоянно движущегося физического предметного мира в преддверии мира тварного. И познали условия того, как его использовать в интересах физического благополучия. Честь им и слава! Но претендовать им на монополию в познании духовной сферы, высших чувств, трансформации Веры в следовании Пути и тем более отрицать ее объективность, подобную объективности материи, думаю, непродуктивно.

Сегодня на Руси правит бал бездуховность (жизнь не в цене) — это аксиома. И церковь как институт религии не в силах с этим справиться, даже отлично осознавая социальные, экономические причины такого явления. Поэтому вне консолидации усилий с наукой, образованием, культурой, этикой, художественным, образным, чувственным миром одухотворения жития эту проблему не решить. Нет, это «не пересекающиеся задачи». Это параллельные пути, но сходящие в единой цели. Цель не физическая, а духовная, инструментом познания которой среди других наук в наибольшей степени является психология. Как ни крути, а науке придется заняться континуумом душевности, одухотворенности, видами и формами проявления высших

чувств, их генезисом, системой регуляции и практическим приложением **знаний о вере**.

Я со вниманием и удовлетворением прочел дискуссионные статьи А. Лоргуса, М. Кондратьева, В. Розина, В. Слободчикова. В них ярко выражена авторская индивидуальность, принципы, личная пристрастность. Но есть и общее: озабоченность данной проблемой, легкая политическая акцентуация, демонстрация образованности и... интеллигентный уход от прямого решения проблемы, в том числе и нахождения путей именно в зоне пересечения интересов Церкви и образования. Открыто выраженное несогласие М. Кондратьева с введением преподавания православной культуры в школе все же носит скорее эмоциональный характер.

Не может не удивить непримиримая позиция, что знание — это наука, а теология — это вера на базе бездоказательных истин, а такие мифические категории, как душа, Дух, не измеряемы и, стало быть, ненаучны, поэтому вводить в систему школьного образования историю **православной культуры** неэтично, ибо обидятся другие конфессии.

Позволительно спросить, а введение в спецшколах спецкурсов по мусульманскому, иудейскому, буддистскому и другим вероисповеданиям, строительство соответствующих храмов, библиотек, молебных домов, подготовка радио- и телепередач, управление из-за рубежа, создание рекламных роликов, выпуск пропагандистских материалов, книг, порочащих православную веру и Русь всуе, — допустимо?

В России исстари исповедуется свобода совести для любой религии,

так как дело это добровольное, тем более когда речь идет о культуре, истории. Если мы не включим в программы образовательных и научных институтов исследования истории религий, их роли в формировании психологии веры и ее проявления в культурных, этических, эстетических ценностях, не говоря уже об их роли в главном — Свободе, мы резко затормозим познание другого мира, нет, не загробного, а информационного и смыслового, который далеко не во всем доступен уровню нашего понимания. При высоком уровне развития цивилизации на Земле человечество слишком много наделало глупостей в виде извращений в своем духовном мире, в виде разрушения духа созидания, презрения к культуре и даже измены вере. Если принять априори, что мы растем и развиваемся в познании мироздания, то желательно более твердо уверовать в верховную роль нерукотворного мира, где *красота, истина и знание* пока нам во многом даны лишь в духовных чувствах, вне материального воплощения. Об этом пусть иносказательно, но четко сказал В.И. Слободчиков.

Порадовался еще одному событию — так называемому письму академиков на имя Президента В.В. Путина, в котором поднят тот же вопрос, что и редакцией журнала («Политика РПЦ: Консолидация или развал страны?» «Советская Россия», 2007, 26 июля). Это письмо всколыхнуло общественное сознание, только в газетах «Советская Россия» и «Литературная газета» за август 2007 г. было опубликовано более 30 статей философов, литераторов, преподавателей, ученых, «простых»

читателей. Удивительно содержательная дискуссия, порой резкая, неприемлимая, с диаметрально противоположными выводами, иногда дурно пахнущая национализмом, этническими предубеждениями, агрессивным атеизмом, высокомерием физиков в их антирелигиозной ортодоксальности. Хочу отметить: в иконописи, фресках А. Рублева заложено информационное сущее святости, отражающее идеал мифов, как сгусток архетипов историко-культурно-общественного сознания. Десять академиков РАН отвергли роль религии в приобретении конкретных объективно существующих знаний в области происхождения человека, напрочь отвергли даже научные прожилки в теологических учениях **истории** религии, выразили резко отрицательное мнение о преподавании в школе истории православной культуры и включении теологии в ряд ВАКовских специальностей. Обвинили РПЦ в навязывании клерикализма, во вмешательстве в дела государства, в том числе в образовании, в нарушении при этом этических норм по отношению к другим религиям. Им ответили писатели, политологи, представители «продвинутой» интеллигенции. Ответили соответственно в той же обвинительно-нервной тональности с намеками на их слабоправославный менталитет. В газетных дискуссиях прозвучали те же упреки в клерикализме, антихристианских суждениях. Прозвучал горький упрек РПЦ за вбитые позорные столбы в золотые кресты и **освященные** олигархические дворцы, казино, банки.

Психологи промолчали, видимо, остерегались замочить ноги в мутной политической водичке. Вода в котле

закипела, но мало верится, что что-нибудь дельное останется в сухом остатке.

Если бы психолингвисты уровня Т. Ушаковой, И. Зимней провели контент-анализ дискуссионных текстов по данной проблеме, мы бы имели возможность получить уникальный материал, доказывающий:

- политическую, этническую, экономическую, социальную ангажированность авторов статей;

- явную конъюнктурную пристрастность вне озабоченности о продолжающейся утрате Россией и РПЦ духовно-научного ориентира в утверждении как национальных, так и общечеловеческих ценностей в человековедении;

- незыблемость статуса отделения института церкви от института государства, но при сохранении и упрочении единства идеи веры в человека как продукта нерукотворного и рукотворного мироздания;

- признание постулата: все в мироздании вечное, и все изменяется, и никогда не будет конца;

- РПЦ в Духе выше государства и, стало быть, ответственнее перед Богом за наши судьбы;

- мироздание — это мир в здании, которое имеет голову, душу и дух. Стены его есть знания, а фундамент — это вера, хотя у каждого своя;

- истина сотворяется верой, стоящей на энергии, веществе и духе;

- отрицание академиками научности исторической интерпретации в текстах теологов недостаточно обосновано.

И, наконец, главные претензии выдвигающихся ученых к РПЦ, связанные с ее угрозой научному мировоззрению по вопросам основ мироздания,

явно преувеличенны. Одно опасение существенное: ведется полемика на пустом поле, ибо нет единых экспериментальных учебных планов, программ, методов преподавания, идейного замысла и даже сертификации предметников по истории православной культуры. И это в условиях, когда даже тексты Библии содержат не менее 2–3 подтекстов, что вызывает многообразие толкований.

А между тем в последние годы проблема духовно-нравственного воспитания, проблема гуманизма и духовности в образовании активно обсуждалась психологами и педагогами совместно со священнослужителями. И с их стороны не отмечалось поползновения вытеснить естественные науки с помощью религиозных догматов. Достаточно назвать три международные конференции «Гуманизм и духовность в образовании» (2002, 2003, 2004, Нижний Новгород, руководитель — В. Рыжов), Круглый стол «Проблемы духовно-нравственного воспитания современного человека» в Московском государственном психолого-педагогическом университете (2006, руководитель — академик В. Рубцов). Издаются учебные пособия для педагогических вузов по проблеме психологии духовности (Ильичева, 2000а,б), монографии о духовных способностях, происхождении человечности, психологии духовности профессионала, психологии учения о душе (В. Шадриков, В. Пономаренко, В. Зинченко, В. Знаков, А. Гостев). Особо следует отметить озабоченность Святейшего Московского и всея Руси Патриарха Алексия II духовно-нравственным воспитанием в семье, школе, государстве, церкви: «Продолжает ве-

стись пропаганда ненависти и насилия, когда пытаются нравственно разложить и даже растлить молодежь, мы должны свидетельствовать о высших идеалах, о непреходящих духовных ценностях. *Судьба России* (курсив мой. — В.П.), ее будущее в руках педагогов, воспитателей, учителей. Если упустим еще несколько поколений, не создадим у них нравственного иммунитета, не возродим в их душах стремления к высоким идеалам, не укрепим в них чувство веры и любви, искания правды Божией — не будет России на свете». Считаю уместным отметить тот факт, что у психологов, педагогов слова Святейшего Патриарха Алексия II об «искании правды Божией» не вызывают не только оторопи, но и сомнений. И это связано с тем, что речь идет не об опасности занятия служителями культа административных постов в государстве (клерикализация), а о едином понимании смысла: «Богу — Богово, кесарю — кесарево». Представители русской философской школы (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Н.Ф. Федоров, Е.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, Серафим Саровский и мн. др.) посвятили свои искания духовности именно потому, что ведущей функцией духа является самосознание (Епископ Варнава). Как близко к этой *методологической формуле* подходит известный советский философ Л. Буева: «Духовность есть показатель существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов, в ней концентрируются проблемы, относящиеся к *высшему* уровню духовности (курсив мой. — В.П.) освоения мира человеком» (Буева, 1996, с. 119).

В своих научных изысканиях Л. Буева в конечном счете пришла к выводу, что духовность объединяет мысль, знание и чувство, это «восхождение личности к своим идеалам, ценностям». Она не впадает в богоискательство, хотя и касается темы нерукотворного мира... А религиозный И. Ильин, говоря о духовности, делает вполне теоретические обобщения. К примеру: «Дух утверждает в человеке высшее достоинство и вызывает к его чести.

Дух показывает человеку художественную красоту, утверждает в человеке своеобразную и самобытную личность, творит национальную культуру и порождает в душе патриотизм» (Ильин, 2001). Но при этом не забывает и о Боге: «Дух всегда несет человеку идею священного запрета и долга». В переводе на светский язык речь ведь идет о нравственных запретах, которые в свое время без ссылок появились в моральном кодексе строителя коммунизма...

Откровенно говоря, когда читаешь статьи дискутантов в журнале и письмо академиков, чувствуешь себя неловко. Дух, духовность, душа, трансцендентность, хронотоп, иллюзии, мифы, сказки, аллюзии, вера, идеалы, сновидения, художественное, образное мышление, иконическая память, воля — это ведь предмет психологии. С. Крымский считает, что духовность — это принцип самостроительства человека, это выход к высшим ценностным ориентациям конституирования личности и ее менталитета. И как будто нет **научных** работ В. Слободчикова, Б. Братуся, В. Шадрикова, В. Зинченко, В. Знакова, А. Гостева, М. Дворецкой,

И. Ильичевой, В. Рыжова, С. Крымского и сотен (подчеркиваю — сотен!) психологов, педагогов, которые вполне научно могут корректно соединить православную и светскую культуру в единое образовательное пространство.

Прошу прощения за избыточное цитирование, но не могу удержаться от воспроизведения ниже высказываний советского философа, светского поэта, религиозного писателя и, наконец, писателя, который предал анафеме советскую власть. Цель — продемонстрировать, что всем этим слишком разным людям небезразлична Родина и человек на планете Земля. И если есть возможность удержать его в нравственном, стало быть, в духовном притяжении, то, откуда бы оно ни происходило — от Бога, Вселенной, Высшего разума, Церкви, государства, науки, образования, художественного воспитания, философов, психологов, — это есть высший знак целесообразности появления духовно-материальной планеты в виде человека и его общественного бытия в виде человечества.

Воспроизведу несколько цитат, которые приводит в своих учебных пособиях И.М. Ильичева (Ильичева, 2000а,б).

Из В. Лекторского и И. Экономцева:

«... и для светского и религиозного понимания можно выделить один общий аспект: духовное всегда связывается с выходом за пределы эгоистических интересов, предполагает, что цели и смысложизненные ориентиры человека укоренены в системе надындивидуальных ценностей».

Из М. Бахтина:

«Духовность может быть реализована в любви к ближнему, *в диалоге* (курсив мой.— В.П.) культур, мировоззрении. Диалог — это преддверие глубинного общения, которое имеет целью дать субъекту пережить собственную глубину, выявить единство людей, которое трансформируется в некий духовный синтез... Духовное пространство человека — это вертикаль, включающая возвышенное и низменное, земное и **небесное**, добро и зло».

Из В. Гете:

«Духовность «противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий».

Из В. Розанова:

«Боль жизни гораздо могущественнее генезиса жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию».

Из А. Солженицына:

«И... не в том ли заложена наша старая потеря, погубившая всех нас, что и интеллигенция отвергла религиозную нравственность, избрав себе атеистический гуманизм, легко оправдавший торопливые трибуналы».

Мысль и вывод А. Солженицына в равной степени применимы и к сегодняшнему отношению интеллигенции к тому, о чем выше говорил Патриарх Алексий II.

В заключение позволю себе сформулировать и свое отношение к вопросу «Психология — с религией или без нее?». Даже исходя из постулата, что и в теологии, и в науке психологии есть единые объекты: самосозна-

ние, нравственность, культура, субъект — отвечать отрицательно не может.

В последнее время я ознакомился с тремя докторскими диссертациями по психологии, затрагивающими проблемы в рамках поставленного вопроса¹. Авторы этих научных работ высшей категории дали утвердительный ответ по поводу того, что любые тексты, в том числе и религиозные, могут быть подвержены измерительному анализу. В диссертации М. Дворецкой характеристики категорий «плоть» и «тело» в Ветхом и Новом Завете были подвержены кластерному и факторному анализу (Дворецкая, 2006). В данных работах показаны возможности науки психологии находить продуктивное общение с православной культурой и внедрять научные знания о православии в головы и сердца школьников, и не только школьников. В этой связи выскажу некоторые свои чувства, мысли и суждения на этот счет.

XXI в. на Руси не виртуально, а практически в пространстве общественного сознания искажил смыслы ценностей, сдвинул нравственные пласты религиозных слоев сознания, смешав цели и средства, регулируемые духом, совестью, волей, подменил вероотеческие, нравственные скрепы государственности прагматичностью и индивидуализмом космополитического разлива. Ядерной ценностью личности избрали толерантность. И возвели ее на пьедестал как духовную, душевную ипостась в

¹Дворецкая М. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан средневековья; Мушенок Н. Проблема психологии самосознания в науке и религии; Макарова К. Развитие духовных способностей (на примере младших школьников).

качестве социополитического компромисса. А ведь известный философ на ниве психологии К. Абульханова-Славская научно доказала, что личность — это субъект жизни, вектор ее — дух, а не толерантность. В науке есть физик-ученый, биолог-ученый, а вот психолог — это *человек-ученый*, т. е. профессионал-душевед в области человековедения. Поэтому и сам Бог велел ему ранее других увидеть (предвидеть) последствия, казалось бы, всего лишь смены власти (режима). А ведь на самом деле произошли управляемые, вулканические по силе и масштабам разрушения духовности человека именно в координате «по образу и подобию». Вот нравственный стимул для объединения науки и религии! Цунамская масштабность деформации духовных векторов самосознания, культуры, правового поведения далеко вышла за рамки устоявшегося религиозного, светского мироощущения, принятого видения мира и определения своего места в нем. (Позвольте не перечислять всех боготорческих пакостей.) С позиции научно-социальной психологии духовно-тектонический сдвиг самосознания привел к заполнению пустот духовно-интеллектуального пространства патологической доминантой возмездия своим же соотечественникам, к взрыву межэтнических амбиций вне исторических детерминант. Российский этнос мутирует в сторону несвойственного его духу и корневой культуре саморазвития добродетельности как образу жизни. Религиозное чутье владык Русской православной церкви (РПЦ) помогло им заметить, что все началось с разворота не столько ве-

ры, сколько сознания супротив хода собственной истории славянских корней России. Из духовных векторов, исходящих из веры, идеала, смыслов жизни, т. е. того начала, которое определило путь к воспроизводству добра и целесообразной разумности. Именно психолог Н. Мушенок, исследуя истоки религиозности как психического явления, установила, что подобные кризисы следовали, по крайней мере, в России в периоды ослабления, извращения, противопоставления, осквернения духовного равновесия между рациональным и иррациональным мировоззрением на бытие, мир, человека между светским, прагматично-цивилизованным, технократическим и религиозными глубинными архетипами сознания.

В данной социально-политической ситуации, по мнению аналитиков, в области религиозной психологии именно синергичность теологических концепций о Божией благодати и научной — о духе субъекта способствует тому, чтобы более чутко улавливать начало душевных разломов веры, приносящих ту духовную боль и страдание, которая выше и глубже понимания жизни в ее гедоническом соусе, в животническом вольере за счет возрастания зла как символа победы над высшим замыслом. Вот еще один узел, который, видимо, надо науке вместе с религией развязывать. Имеется в виду поиск источников духовной регуляции самосознания, не исключая и использования феноменов трансцендентной энергетики не столько навязанной, сколько саморазвивающейся на принципах дополнительности. Извлеченных из всей инфраструктуры

бытия, преобразованных сознанием в мир идей, символов, образов, ценностей, смыслов с созидательным преобразующим началом. Вместе с тем теологическая составляющая всегда была неприемлема для науки, именно по причине «неподвластности материальному миру». Однако при этом Нобелевские лауреаты в области естественных наук И. Павлов, Джодж Уолд, Джон Экклс, а в последнее время известные академики РАН, РАМН, РАО В. Казначеев, Н. Бехтерева, В. Шадриков, К. Абульханова, В. Зинченко, В. Слободчиков, профессора Б. Братусь, В. Знаков, И. Ильичева, М. Дворецкая приходят к выводу, что сознание и на сегодня материалистической наукой до конца не познано. В его материальной структуре предполагается участие более «тонкого мира» «живого вещества» полевых, а не белковых свойств материи (П. Флоренский, В.И. Вернадский, В.П. Казначеев, Н.А. Козырев и др.). Полевые свойства живой материи более тесно увязывают сознание с пространством и временем в их функциях отражения и построения предвидимого, предчувственного будущего, морфологическим субстратом которого является информационная составляющая, не из сомы вышедшая, а в сому вошедшая (А. Ухтомский, В.Ф. Войно-Ясенецкий, Н. Бернштейн). В этом случае проблема сознания приобретает более зримые связи с космогоническими теориями (К. Циолковский), вводя человека «по образу и подобию» в мир не только земной. Это тот мир сознания, носителем которого является не один лишь геном человека. Надо полагать, что Дж. Экклс не случайно

признавал, что наше материальное Я живет и после физической смерти мозга.

«Если внешний наш человек и глеет, то внутренний со дня на день обновляется» (Апостол Павел. 2 Кор., 4, 16).

Идеолог теории духовных способностей В. Шадриков среди многих черт духовных способностей все же выделил и трансцендентную: «...в узком понимании духовные способности проявляются в стремлении искупить «греховную» природу души» (Шадриков, 1999, с. 9).

Интересно и поучительно выразил мысль о духовности верующий профессор В. Рыжов. «Вряд ли духовность можно определить мерой религиозности, принадлежности к церкви или следования церковным обрядам. Что же тогда есть духовность? Это то, что придает смысл жизни отдельному человеку и человечеству, в чем человек находит ответы на вопросы: Зачем он живет? Каково его назначение? Что есть добро и зло? Что есть истина и заблуждение? В гражданском смысле духовность есть выражение способности человека к трем действиям: различать, избрать, следовать» (Рыжов, 2005, с. 8).

И, наконец, раздумывая над вопросом редакции, считаю уместным привести результаты научного исследования К. Макаровой «Развитие духовных способностей». В докторской диссертации представлена диалектика раскрытия механизмов процессуально-функционального становления перехода и трансформации свойств способностей из биологического, деятельностного, культурного, индивидуально-личностного пространства в

духовное через присвоение нового качества в виде особого рода психического состояния. Созданы инновационные технологии. Их суть: определены классификационные признаки информационно-энергетического состояния высших чувств не только в целеполагании функциональных способностей, но и в одухотворенности смысловых паттернов самости и данности жизни, ее предназначения, нравственной тональности в пространстве извечной дихотомии добра и зла. С помощью восприятия музыки был уловлен нерв явления духовности: надстроенность, информационно-матричная система внутреннего тонкого мира, преобразующая материю в энергию рефлексивного самосознания. Духовные способности есть высшее проявление выхода из себя для преобразования красоты, звука, цвета, запаха, слова в жизненную энергию духа, радости, единения символического, образного, творческого сознания.

Характерно, что мы получили такой же результат, исследуя духовные способности летного состава под воздействием неба, пространства, красот Земли, хронотопа в процессе интеграции пространства и времени в третьем измерении. Изучая психические состояния, его виды и формы у человека летающего, удалось установить, что возвышенное состояние проявляется не в результате прагматических действий, сколько в процессе открывающего смысла своего жития в небе. Для летчика небо открывает особый смысл свободы и ощущения причастности к Вселенной. «Любой полет, — писал Водостаев, — был для меня вдохновением. Постоянно знал, что смертен, но ве-

рил в свою причастность к бесконечной вселенной» (см.: Пономаренко, 2004, с. 150). Вот вам, сомневающимся, пример трансформации одухотворенности в веру своей причастности к Творцу. Это принципиально, так как для лиц опасной профессии важно уверовать в бессмертность своего духа, олицетворяющего продолжение добродетельности. Приведу некоторые мысли, чувства летчиков (Пономаренко, 2000, с. 69):

– Полеты давали ощущения вечности, более того, приобщения к ней, от этого захватывает дух.

– Духовность в полете проявлялась как приобщение к свободе, познание нового, я бы сказал, что для моей души даже где-то к вечности.

– Духовность сознания способствует формированию высшего критерия оценки поступков в пространстве добра и зла.

Послушаем еще такие высказывания небожителей (Пономаренко, 2004, с. 201):

– В небе получил духовную закалку, которая помогла сформировать позицию совестливости.

– В полете ты свободен, и потому нельзя лгать даже самому себе.

– Небо чистит нутро. И лишь одно чувство живет в сознании — это знак свободы, подаренный Небом.

– Полет — это проявление жизни неба во мне.

– Вера в Дух помогает мне идти по жизни, определила смысл моей жизни — жить для других.

Итак, духовная основа воспитания есть, прежде всего, познание своего Я, т. е. душа — это путь к добру, личный знак твоего имени.

Таким образом, складывается впечатление, что не стоит спешить проводить демаркационную линию между

религией и наукой. Мироздание для землян — это категория человека, в которого заложена духовность развития идеального принятия святости небесной планиды с ее физическим и

духовным миром. Все остальное в наших руках. А в боготворении мира нет греха, есть путь к животворящему согласию.

Вот и ответ на ваш вопрос.

Литература

Аксючиц В. Мироправители тьмы века сего. М.: Выбор, 1994.

Буева Л.П. Духовность и художественное творчество // Вопросы философии. № 2, 1996, с. 119.

Войно-Ясенецкий В.Ф. Дух, Душа и тело. М., 2003.

Дворецкая М. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан средневековья: Автореф. ... дис. докт. психол. наук. М., 2006.

Ильин И. Статьи, лекции, выступления (1906-1954). М.: «Русская мысль», 2001.

Ильичева И.М. Психология духовности. Учебное пособие. Коломна, 2000.

Ильичева И.М. Духовность в зеркале философско-психологических учений. Учебное пособие. Коломна, 2000.

Моррис Г. Библейские основания современной науки. С-Петербург, 1995.

Пономаренко В.А. Авиация. Человек. Дух. М., 2000.

Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М., 2004.

Пономаренко В.А. В Слове — позиция. Красноярск, 2004.

Рыжов В.В. К определению духовности и духовной сущности человека // Гуманизм и духовность в образовании. Научные труды конференции. Нижний Новгород, 2005.

Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М., 1999.